№ 7

СМЕХАЧ

АПРЕЛЬ 1924 Ленинград, Просп. Володарского 53а. Тел. 1-68-80 ЦЕНА 25 КОП

СВЕТЛОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ

Рис. А. Радакова

— Воскрес?!
— Воскрес...
— Ну слава богу!... Значит, можно въехать в квартирку.

ПАРТГИГИЕНА

(С точки зрения „чистой публики“)

Рис. В. Козлинского

— У нас в тресте собственно и чистить некого—все публика „чистая“.

— Вот потому то и чистят, голубчик.

СЛАБЫЕ и СИЛЬНЫЕ

Жены рабочих металлистов в Гомеле на общем собрании постановили не праздновать пасхи.

В страстную пятницу Селиван Пентюхов вернулся с завода в необычайно радостном настроении. Душа ходуном ходила.

— Ну что?—встретила его жена, Фекла Спиридоновна.

— Зашабашили! Четыре дня теперь гуляй! И-эх, пасха священная! .. А ты справила покупки? Яйца, мука есть? Творог я сейчас видал в лавочке—ну и творог!.. Ежели не купила...

— Предрассудки! —неожиданно отрезала жена.

— Чего такое?

— Предрассудки, говорю. Не буду творогу покупать. Обойдемся...

Селиван Пентюхов остолбенел от изумления.

— Как это не будешь? Пасху-то, поди, из творогу делают, не из железа! Чего ты несешь-то?! Нешто порядок—на одних куличах, без пасхи?

— И куличей не будет...—сказала жена.

— Как так куличей не будет? — окончательно растерялся Пентюхов.— А чего же будет? Постой!—деньги, всеё получку, сдал я тебе вчерась, аль нет? На этом самом месте...

— Ну, сдал. А только нонче на собрании бабы единогласно голосовали воздержаться и никакой чтобы пасхи, а деньги — на домашнюю нужду...

— Бабы?! Го-ло-со-ва-ли?!!

Изумление Пентюхова достигло той грани, за которой начинается стихийный гнев, перехватывающий дыхание.

— Плевать я хотел на всех баб!!—заорал Пентюхов во всё горло. — Голосовали! Здрасте! Председатели какие разыскались! Я те так проголосую,—гудком у меня заревешь!.. Подавай сей минуту деньги! Сам пойду на рынок.

— Не дам

— Подавай, тебе говорю,—покуда морду не распаял!..

— Бей, а не дам. В кассу положила на свое имя... Возьми-ка!

Нацеленный кулак Пентюхова разжался сам собой: битьем—из кассы денег не вызволишь.

— „Вот стерва! до чего догадалась!.. Нужно с другого конца—насчет сознательности нажать“.

— Слышь-ты, Феклуша ..—сбавив тон, мягко заговорил Пентюхов:—Я, как элемент сознательный, всецело голосую против предрассудков, попов, неграмотности и тому подобное... Стой, не перебивай! Вношу очередное предложение: пасху мы справим, значит, честь-честью, — а, значит, на будущее течение времени окончательно изживем все предрассудки... С четвертого дня, значит, и шабаш!—вынесем резолюцию... Вот-те Христос! Стой, не перебивай...

Пентюхов напрягал все силы, чтобы говорить убедительно.

— Кончил, все?—спросила жена.

— Ну, кончил .. Чего-ж больше то?

— А больше ничего Объявляю собрание закрытым

— А как же насчет всего такого, по существу?

— Не будет.

— Не будет? Окончательно?! Ну и чорт с тобой!.. У добрых людей разговеюсь. Чорт с тобой!..

В субботу Селиван Пентюхов еще раз попробовал усовестить жену,—ничего не вышло. Плюнул, хлопнул дверью и пошел к приятелю, Егоркину.

А Егоркин навстречу ему попался. Идет, левый глаз придерживает.

За версту видно, в чем дело.

— Предрассудки?—кивнул многозначительно Пентюхов.

— Уперлась на своем: постановили-мол не праздновать, и крышка!..

— Бил?

— Кочерга вмешалась несподручно. А твоя как?

Пентюхов уныло махнул рукой.

— Сплошная резолюцая, а деньги в кассе... Кремень!

Долго бродили приятели Куда не зайдут—одна и та-же новость: куличами и, вообще, предрассудками – и не пахнет!

Надумали отправиться к Соломону Трынчику, токарю.

— Хоть мацы пожуем... Разговеемся...

К двери подошли, а Соломон сверху по лестнице скатывается. Ни шапки на нем, ни лица

— Куда Соломоша? А мы к тебе мацы пожевать...

— Мацы?! А что такое маца? — всплеснул руками Соломон Трынчик: Я же думал, что есть маца .. Так это *не* маца, а вовсе—*предрассудок!* Спросите у моей жены, так она вам что-нибудь скажет... Чтоб я так умер, как я имею мацу...

Гомельские бабы крепко отстояли позиции.

Ив. Прутков

ПАСХА У „СМЕХАЧА“

Граждане! Все празднуют пасху,—а мы чем хуже? К чорту корректурные листы! Застелите-ка письменный стол скатертью. Этак—окорок, так—кулич. Да вина выставьте! Да пива! Ну, а теперь—принимать визитеров! Граждане! Господа! Милости просим!

— Мистер Макдональд? Просим садиться. Госспиртику? Нет? Крепок? Хе-хе! Еще бы: советский. Которые из двух-с-половинного, действительно, не выдерживают. Закусить пожалуйте: ветчинка по соглашательски, кокиль-милитэр, винигретик... Особенно, на винигретик налегайте. В вашем духе: ни рыба, ни мясо. Господин Каутский, когда пробовали, очень одобряли!

— Пуанкаре!? Мосьё, милости просим! Что это — вид у вас такой утомленный? Присаживайтесь. Отдыхайте. Госспиртику? Жжет? Ну, извините... Закусить просим покорнейше: цыпленок-а-ля-рур, очень вкусно. Мало обуглен? Помилуйте! Боялись пережарить. Нам про уголь, признаться, и в голову не пришло. Без музыки аппетита нет? А мы сию минуту. Эй, там, дайте румынский оркестр... Румыны без господина Пуанкаре не могут, а господин Пуанкаре без румын. Веселее, вы! Деревенскую! Частушечную!

За-ахватчики, чики,
Ренегатчики, чики,
Демократчики, чики,
У-даль-цы!

— Николай Николаич! Ваше высочество! Пожжалуйста! Аншантэ! Госспиртику? Ах, вот вы про что! Извините. Не держим. Милиции боимся. Теперь насчет самогона — строго. Попробуйте госспиртику! Не жжет? Странно! Впрочем, ведь вы проженный. Закусить милости просим: поросеночек... Подложите Николай-Николаичу поросеночка. Оно, конечно, надо бы было вам свинью подложить — да знаете: кусаются. И без того расходы большие.

— И Врангель тут! Честь имеем, барон! Как здравствуете? Нашими молитвами? То-то, вид у вас такой—анемичный. Госспиртику? Яблочек крымских? Хорошие яблочки. Гривенник пара. Видели наши новые гривеннички? Вот... Позвольте! Товарищи! Кошелек пропал! И чорт его знает, как: ведь только вошел человек, двух слов еще не сказал... Барон! А, барон! Верните честью. Серебро, чорт с вами, оставьте себе: там всего-то два гривенника. А трамвайные билеты и удостоверение верните. Они ведь вам ни к чему в Юго-Славии!

Веселая у „Смехача“ пасха. Визитеры, визитеры, визитеры... На все 16 страниц! Отбою нет от визитеров! И что ни визитер, — тема. До будущего рождества хватит — звона!

Мелитон Шишкин

ТОЧНАЯ КАЛЬКУЛЯЦИЯ

— Тоже — кооператив! Целый час стою — отпустить не можете!

— Отпуска, гражданка, по декрету только с 1-го мая.

ИЛИ — ИЛИ

— Куда вы думаете ехать на лето?

— Если не пошлют, бог даст, на север, поеду на юг.

ПАСХАЛЬНЫЙ ЗВОН

Дон! Дон! Дон! Дон!
С четырех гудит сторон
Гулким звоном для времен —
Новой медью крепкий звон...
Звон чудесный, звон воскресный
Кроет звоны похорон.
Вглубь и вширь, и в небо прямо,
От серпа и до динамо,
По долинам, нивам, борам,
По распаханным просторам,
В жерлах домен, в искрах труб,
Звон рабочий — ты мне люб!
Дон! Дон! Дон! Дон!
Гул шагающих колонн,
И трудов весенних гон, —
Этот звон над миром волен,
Это — звон не с колоколен,
Это — благовест иной
Над моей плывет страной!..

Александр Флит

ПАСХАЛЬНЫЕ МОЛИТВЫ УПРАВДОМУ НАШЕМУ

Руководство для безбожников.

Избави нас, Управдоме, от Фин-инспектора лукавого.

Отче наш, Управдом Милосердный, иже квартплату веси!

Жил-площадь насущную даждь нам днесь.

Порази, всевидящий, самогон в доме твоем, да благо нам будет.

Взыграй на трубах фановых, блаженный, в ремонте твоем.

Охрани мя от налета тайного, да не внидет Угрозыск в дом мой.

Аминь!

Ал. Мак.

В СВЕТЕ НОВОЙ ПСИХОЛОГИИ

— Ванятка, сколько будет шесть да четыре?

— Червонец.

КАК НИ ПОВЕРНИ...

Рис. Ив. Малютина

Страсти господни — Страсти господни!

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ

Рис. Б. Антоновского

Частная торговля в 4 раза больше оборачивает товары, чем кооперативная.

— Что же это у вас? То так совсем ничем не оборачивали, а теперь вон в четыре бумаги?
— А это, гражданин, нам предписано в смысле оборотов догнать частную торговлю. Мы и стараемся.

РУССКИЕ КЛАССИКИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Было тоскливо на душе. В голову лезли какие-то неразрешимые вопросы, и ум настойчиво требовал ответов.

Чтобы успокоить душу и утолить жажду ума я хотел обратиться к Пильняку, Семенову, Никитину, но мне не повезло: в руки попалась книжка Толстого (се Лев Толстой, а не кто либо другой).

Делать было нечего, я стал читать Толстого и... пришел в ужас. Я ничего не понимал. Какой-то иностранный язык! Совершенно непонятные слова! Я подумал:

— „Наши будущие поколения, воспитанные на новой литературе, не поймут классиков".

И я решил:

— Переведу кое-кого из них на современный язык. Нельзя-же... как никак, а классики!

Я приступил к переводу.

Н. В. ГОГОЛЬ.

Чуден сволочь Днепр при тихой, елки зеленые, погоде, когда вольно и плавно, елки-палки, мчит он воды свои. Ни зашелохнет, мать перемать, ни прогремит, мать его за ногу. И чудится, будто весь вылит он из Стеклова и Железнова. Редкая стерва долетит до середины Днепра. Чуден Днепр и в теплую летнюю ночь, когда звезды, точно сифилитическая сыпь, покрывают небо, а старый паралитик месяц, с изъязвленным лицом, медленно плывет между ними. А старый тряпичник бог продолжает вытряхивать свою ризу, и звезды, как вши, продолжают сыпаться на небо. Эх, хороша ты, клоп тебя съешь, украинская ночь!

А. С. ПУШКИН.

ЗОЛОТО И БУЛАТ.

„Шантрапа"!— сказало злато.
„Сукин сын"!— сказал булат.
„В морду дам"!—сказало злато.

Тут булат отпустил такое словцо, от которого даже студийка покраснела-бы. Привести его никак не можем!

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

Кити покраснела и быстро стала писать карандашом. Левин наклонился и прочитал:

— Наркомпочтель.

Было трудно, почти невозможно понять, что это означает, но Левин инстинктивно понял и прочитал:

— Надуешь Адин Раз Кулаком О Морде Помни, Что Ты...

Что означают последние две буквы „Е" и „Л" Левин и понимал и не понимал, но это было не верно. Он взял карандаш из рук Кити и быстро написал:

— Госиздат.

Кити еще больше покраснела. Она прочла:

— Грешно Отдавать Себя Из За Денег, АТвяжись.

Левину стало жалко ее, и он снова написал.

— Лепо.

Кити сердцем поняла, что это успокоительное слово и не стала разбираться в нем. От слова так вкусно пахло семгой и свежей икрой. Она с благодарностью посмотрела на Левина и взяла его руку.

Многие из русских классиков совершенно непереводимы. Никоим образом, например, нельзя Алешу Карамазова готовить по современному, с перцем и с горчицей.

Необыкновенную тихость проявили в этом смысле знаменитые „Тургеневские девушки".

Очень трудно обстоит дело и с Чеховым.

Жаль, что через год-два они станут совершенно непонятны в чтении.

Жаль, а поделом! Писали-бы, как следует...

О. Л. Д'Ор

ПРИТЧА

О НЕСЧАСТНОМ БЕДНЯКЕ, О ВЪЕДЛИВОМ ФИНИНСПЕКТОРЕ И О РОСКОШНОМ ЖУРНАЛЕ „СМЕХАЧ"

Рис. Ив. Малютина

К одному человеку, настолько бедному, что ему не во что было одеться, пришел однажды фининспектор и сказал:

— Подоходного налога я взыскать с вас не могу — ибо какие же у вас доходы? Поимущественного тоже – ибо и слепому ясно, что у вас нет никакого имущества. Но зато я неукоснительно обложу вас налогом на роскошь. Ибо — вы читаете роскошнейший журнал „Смехач"!

Почесал бедный человек в затылке и видит: возразить нечего. Действительно, журнал роскошный. Но тут вдруг его осенило.

— А вы, — говорит, — с условиями подписки на „Смехач" знакомы? Ведь это такая дешевка, что ни о какой роскоши речи быть не может. Посудите сами:

На месяц	— руб. 35 коп.	с газетой „Гудок"	1 руб.
На 3 месяца	1 „ — „	с газетой „Гудок"	3 „
На 6 месяцев	2 „ — „	с газетой „Гудок"	6 „

И согласился с бедняком фининспектор и сказал: — Вижу, товарищ, что никак вас не обложишь. Прощевайте! Но только: так вы меня дешевизной „Смехача" прельстили, что скажите уж, где подписка принимается. Пойду, подпишусь.

И сказал бедняк: — Принимается подписка в Москве, Солянка 12, Дворец Труда, Главная контора газеты „Гудок", и в Ленинграде, просп. Володарского, д. № 53-а Книжный склад Ц. К. Железнодорожников.

Только всего и сказу!

ВЕСЕННИЙ СЕЗОН 1924 года

Рис. Б. Антоновского

Открытие навигации.

НА ВСЕ СПЕЦЫ

В комнате было тепло и светло. Неуклюже и неопытно летали первые мухи. В открытое окно доносились гудение и звонки трамваев и шум весенней улицы.

Два небритых — в потертых длинных сюртуках с большими допотопных времен жесткими крахмальными воротничками — человека сидели друг против друга за письменным столом, заваленным разноцветными афишами, книгами и исписанными листами бумаг.

Центральное место стола было занято полным энциклопедическим словарем, в который время от времени заглядывали двое.

— Сколько вы заработали на „Материнстве“? — хмуро спрашивал один.

— Ерунду какую-то. Червонцев 40, что-то! Вот „Аборт“, тот действительно дал. Полный сбор — 150 червонцев.

— Протоколы были?

— Пустяки. Три. Один — за переполнение зала, другой за — жульничество, третий — за невыполнение программы. Из 12 ораторов-докладчиков, был один, я — сам...

— Так, так! Я вот на „Христе и Антихристе“ здорово загреб.. И читать легко..

— Не скажите... О Христе — это трудно... На-днях скандал у меня из-за этого самого Христа вышел. Честное слово. Понимаете, устроил я в один вечер два диспута — один в Думе; другой в капелле...
О том, что Христос жил, читал — в Думе, а о том, что не жил — в капелле. Так чорт дернул... Понимаете, перепутал, где читать надо... Где, что он жил; где, что он не жил... Недоразумение...

— Били?

— Нет... Удрал... И кассу спас... Племянник унес во время..

— Н-да, бывает... На-днях у меня тоже инциндентик случился... Надо было читать о „Современной женщине“, а я взял из дома не тот конспект... и пришел на лекцию с конспектом о „Массовом производстве автомобилей в Америке“...

— Ну, выпутались?

— Да... После автомобилей перешел на „Предания Старого Петербурга“, а потом на аборт, и в конце-концов сказал два слова и о женщине.,. Что она, мол, такой же человек, как и мужчина...

— А публика?

— Успех... Колоссальный успех! Дамы с'ума сошли...

— Однако, пора работать.

— Наметим темы... Предлагаю лекцию о „Магнетизме и Науке“...

— Хо-орошо, очень... Посмотрите в словаре, что там об этом самом магнетизме пишут?

Было тепло, очень тепло... Они все писали... То и дело слышались темы и названия будущих диспутов:

Землетрясение в Японии в связи с социальным вредом аборта.

Перекись водорода на пути современной женщины.

Кризис театра и теория относительности.

Ботаника в Шлиссельбурге.

Почему летом бывает тепло, а зимой, наоборот?

Антихрист и сельское хозяйство в Америке.

Разлагающаяся Европа, как экономическое явление в жизни лекторов.

Они писали все дальше и больше.

С. Тимошенко

ПОЛОВОДЬЕ

Шумят, ломаясь о граниты,
Теплом изъеденные льды,
И мчит их в даль, в простор открытый
Напор бунтующей воды.

От берегов Кале и Рейна,
Из океанов и морей —
Плывите в русские бассейны,
Громады грузных кораблей!

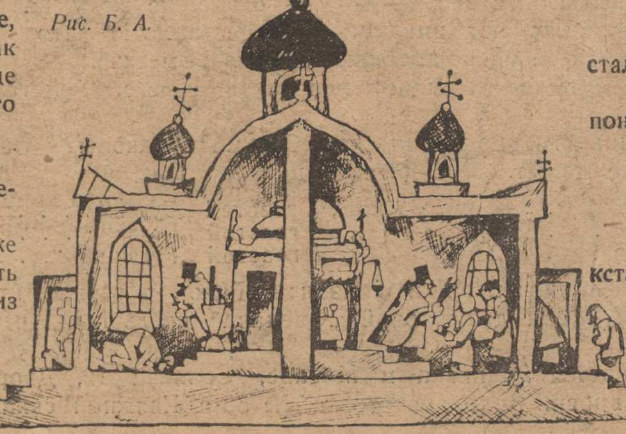
Открыты гавани и устья
Для разноцветных вымпелов, —
Вас как гостей торговых, впустим
Мы в глубь советских берегов.

В Балтийский порт, в наш порт угрюмый
Входите, разгружайтесь в нем —
Он вам, взамен, наполнит трюмы
Благоухающим зерном.

И вам расскажет половодье
О далях, веющих весной,
О задымившемся заводе,
О мощи жизни трудовой!

Дм. Цензор

Рис. Б. А.

НА СЕВЕРЕ ДИКОМ...

— Вы слышали, Илья Львович? Олени стали падать!

— Ой? Давайте же скорей играть на понижение!!..

ВЛАСТЬ НАЗВАНИЯ

— Одолжи мне шесть рублей.

— Пожалуйста... Пустяки какие!.. Да, кстати, сколько это по старому?

— Триста миллиардов...

— Мм... Знаешь, возьми сто миллиардов... Остальные займи еще у кого-нибудь: триста миллиардов — не пустяки.

СЧЕТ

Архангельск, 12-го апреля. В общество помощи жертвам интервенции ежедневно поступает масса заявлений от рабочих и крестьян, пострадавших во время английской оккупации.

Счет пишут...

А счет выйдет длинный. Хватит ли бумаги?

И заплатить по нему придется. Есть люди, которые умеют хорошо писать счета и еще лучше — требовать по ним уплаты.

Был у меня сосед по комнате. Гвоздевич.

Заказал портному штаны, темно-серые, в полоску. А платить за работу не собирался. Портного подбивали: „Вы бы сходили, дали ему в морду!“ Но портной был человек миролюбивый: „Зачем в морду, — это я завсегда успею — я и так получу!“

Придет к Гвоздевичу, станет в дверях и, скрестив руки на груди, в упор смотрит на заказчика. А тот, точно и не видит, сидит за столом и к теткам письма пишет — денег просит.

Попишет, попишет и глаза поднимет:

— Ах, вы здесь! Что вам нужно?

— По счету. За брюки получить.

— У меня сейчас денег нет.

— Ничего, мы подождем, время есть.

— Гм... Да ведь брюки вы мне испортили. Я и не носил их. За что же платить?

— Это как вам угодно, а только раз заказ принят — мы за дальнейшее не отвечаем. Я подожду-с.

И ждал.

Терпел, терпел Гвоздевич, но и он не вынес. Вскочил из-за стола и — на кредитора. А брюки-то на нем, эти самые. Серые в полоску.

Портной, не будь дурак, и увидал:

— А брючки-то на вас хорошо сидят. Только малость помяты-с...

Пришлось отдать. Тетки и заплатили. Заплакали, а заплатили!

И Пуанкарэ отдаст. Напишет к теткам письма и отдаст. Если уж Гвоздевич отдал — Пуанкарэ, вот увидите, отдаст. А не отдаст — тогда и будем разговаривать. А сейчас некогда — надо счета писать.

Илья Горбачев, бывший солдат особой дивизии, сидит в деревне и тоже о счете думает. Утром прочел в газете, что пора счет Антанте предъявлять, и задумался.

Что писать? Сколько сапог сносил! А портянок! Да еще руку левую оставил. Но как ее в счет напишешь? Сколько рука стоит по твердому курсу, в золоте?..

Баба корову подоила, пришла в избу и сказала:

— Пиши под Антанту счет! Чего расселся!

Приплелся сосед, заглянула на минуту терентьева свекровь. Прибежала с улицы Дунька. И кот подошел.

Баба у Горбачева была фортовая, деловая. И сразу вопрос решила:

— Пиши наперед — барана съели.

— Какого такого барана?

— Кучерявого. Нашего. А то какого же? Еще в первый год, как тебя по антантам погнали, мы его, покойника, и зарезали. Пиши: одного барана...

— А печенку с его собака унесла! — вставила Дунька.

— Без тебя знаю! Пиши: одного барана и евонную печенку, которую не доглядела девочка, как без отца находилась..

— Написал.

— Пиши дальше: четыре письма посылала, лавочник и писал, и марки клеила, а почем платила за марки — не упомню...

— По 20 миллионов, — сказал сосед. — Итого — 80!

— Пиши: марки 80 миллионов, 4 конверта и 3 листа бумаги...

— И корова еще у вас в двадцатом годе подохла, — сказал сосед.

— И корова. Пиши: одна дойная корова с пятном на боке. Подохшая через веники, которые с голодухи жрала..

Сосед вдруг задвигал бровями и даже вспотел от волнения. И заговорил:

— А еще пришли из сельсовета касательно продналога. А баба твоя возьми и спужайся. Степанида, то-ись... Думала насчет мужа,

В ЗНОЙНОЙ САХАРЕ

Рис. В. К.

Предпасхальный сон нарымца.

насчет вас, то-ись, какое печальное известие — помер, либо денег просит. Побежала и горшок опрокинула. А в горшке каша... Тоже убыток...

— А я ложку зараз поломала, — басом сказала Дунька.

— Цыц! Знаю без тебя! Пиши: один горшок, одна ложка, которая, значит в 1921 годе за два яйца обменена у спекулянта, и фунт пшена.., с просом...

— А зачем, милая, с просом писать, — останавила терентьева свекровь. — С просом дешевше пшено, а теперь они уже чай и не вспомнят твое пшено — с просом оно, либо без..

— Зачем? Мне ихнего не надо. Я свое прошу.

Долго писали. А когда больше писать было нечего, Илья Горбачев скосил глаза на кота и сказал неуверенно:

— И рука левая... по локоть...

— Чего еще?

— Рука левая, которая в Антанте... Тоже, поди, двугривенничек накинут.. А?..

Всего выходило на 12 рублей 75 копеек и одно порченное яйцо.

— Не отдадут! — сказал сосед. — Где-же!

У бабы лицо даже кровью налилось:

— Не отдадут? А брать умела? Брать, говорю, умела? Бесстыжие ее глаза! Чтоб ей матери своей не увидать никогда... Антантовская холера, сопливая!

И пошла, и пошла..

— Отдаст! — примирительно сказал Илья Горбачев. — Беспременно отдадут, сукины дети! Чичерин нажмёт!

Сосед робко дернул носом и забормотал:

— А ежели они того... как говорится, заплатят, так ты уж, Илья Романыч, уважь старика-то: из двенадцати рублев 75 копеек гривенничек пожертвуй, на четверочку-то махорки... Из двенадцати-то рублев!..

— Ладно!

— 12 рублей 75 копеек!

Большой счет вышел. Держись Антанта!

А пока Ильи и Степаниды пишут свои счета о разбитых горшках и съеденных баранах, гражданка История пишет свой счет...

И по нему заплатят.

Чичерин нажмёт!

Если уж Гвоздевич заплатил — Пуанкарэ обязательно заплатит!

Э. Гард

ЗАВ—И ЕГО

Рис. В. Козлинского

В Бахмуте комиссия союза совработников, обследовав штаты Губстатбюро, нашла их слишком раздутыми. Особенно много заместителей и помощников заведывающих. *(„Труд“)*

За — ме — сти — те — ли.

ФОМА НЕВЕРНЫЙ

Фома Крюков три года не получал от сына писем, а тут, извольте — получайте, Фома Петрович, из города Москвы, от родного сына пять целковых.

„Ишь ты, — думал Фома, рассматривая полученную повестку. — Другой бы сын, небось, три рубля отвалил бы и хватит. А тут, извольте — пять целковых! При таком обороте рублишко и пропить можно“.

Фома Крюков попарился в бане, надел чистую рубаху, выпил полбутылки самогона и поехал на почту.

„Скажи на милость, — думал Фома дорогой, — пять целковых! И чего только не делается на свете! Батюшки светы! Царей нету, ничего такого нету, мужик в силе... Сын то может державой правит... По пять рублей денег отцу отваливает... Или врут люди насчет мужиков то? Ой, врут. Сын то может в номерных, в гостинице служит?

Фома приехал на почту, подошел к прилавку и положил извещение.

— Деньги, — сказал Фома, — деньги мне от сына дополучить.

Кассир порылся в бумагах и положил на прилавок полчервонца.

— Так! — сказал Фома. — А письма мне сын не пишет?

Кассир ничего не ответил и отошел от прилавка.

— Не пишет, — подумал Фома. — Может после напишет. Можем ждать, если, скажем, есть деньги.

Фома взял деньги, посмотрел на них с удивлением и вдруг стукнул ладонью по прилавку.

— Эй, дядя! — закричал Фома. — Каки деньги суешь то, гляди!!

— Какие деньги, — сказал кассир, — новые деньги...

— Новые? — переспросил Фома. — Может они, это самое, липовые, а? Думаешь выпившему челевеку все сунуть можно? Знаки то где?

Фома посмотрел на свет, повертел в руке, потом опять посмотрел.

— Ну? — с удивлением сказал Фома. — Это кто там такой есть? Изображен то... Не мужик ли? Мужик. Ей-богу, мужик. Ну? Не врут, значит, люди. Мужик изображен на деньгах то. Неужели же не врут? Неужели же мужик в такой силе?

Фома снова подошел к прилавку.

— Дядя, — сказал Фома, — изображен то кто? Извини за слова...

— Уходи, уходи! — сказал кассир. — Получил деньги и уходи к лешему... Где изображен то?

— Да на деньгах!

Кассир посмотрел на мужика и сказал, усмехаясь:

— Мужик изображен. Ты, ваше величество, замест царя изображен. Понял?

— Ну? — сказал Фома. — Мужик? А как же это я, дядя, ничего не знаю и ничего не ведаю. И землю пахаю. И все у нас пахают и не ведают.

Кассир засмеялся.

— Ей-богу, — сказал Фома. — Действительно, подтверждают люди: деятели, говорят, теперь крестьянские. И крестьянство в почете. А как это на деле, верно ли это или врут люди — неизвестно... Но если на деньгах портрет... Неужели же не врут?..

— Ну, уходи, уходи, — снова сказал кассир. — Не путайся тут.

— Сейчас, — сказал Фома. — Деньги только дай спрятать, с портретом, ха... А я, дядя, имей в виду, царей этих самых и раньше не любил... Ей-богу.

Фома с огорчением посмотрел на сердитого кассира и вышел.

„Скажи пожалуйста, — думал Фома, — портрет выводят... Неужели же мужику царский почет?“

Фома погнал лошадь, но у леса вдруг повернул назад и поехал в город.

Остановился Фома у вокзала, допил из горлышка полбутылки самогону, сплюнул, крякнул и вошел в помещение.

Было почти пусто. У дверей стояла торговка с семячками. На скамье, положив под голову мешок, спал какой-то человек в мягкой шляпе.

Фома купил иа две копейки семячек и присел на окно, но, посидев минуту, подошел к спящему и вдруг крикнул:

— Эй шляпа, слазь со скамьи! Мне сесть надо...

Человек в шляпе раскрыл глаза, оторопело посмотрел на Фому и сел. И, зевая и сплевывая, стал свертывать папироску.

Фома присел рядом, отодвинул мешок и стал со вкусом жевать семячки, сплевывая шелуху на пол.

— Не врут, — думал Фома. — Почет, все-таки, заметный. Слушают. Раньше может в рожу бы влепили, а тут слушают, пугаются. Даром, что выпивший... Ишь ты, как все случилось, незаметно приключилось... Скажи на милость... Не врут.

Фома встал со скамьи и с удовольствием прошелся по залу. Потом подошел к кассе и заглянул в окошечко.

— Куда? — спросил кассир.

— Чего куда?

— Куда билет-то, дура-голова?

— А никуда, — равнодушно сказал Фома, разглядывая помещение кассы. — Могу я посмотреть внутре кассу, ай нет?

— А никуда, — сказал кассир, — так и нечего и рыло зря пялить.

— Рыло? — обиженно спросил Фома. — Кому говоришь-то?

— Ишь пьяная морда! — сердито сказал кассир. — Тоже в окно глядит... Черт серый...

Фома нагнулся к окошечку и вдруг плюнул в кассира и быстро пошел к выходу.

Фому схватили, когда он отвязывал лошадь. Он вырывался, кричал, пытался даже укусить сторожа за щеку, но его неумолимо волокли к дежурному агенту.

Там, слегка успокоившись, Фома пытался что-то объяснить, размахивал руками, вынимал из шапки деньги и предлагал агенту взглянуть на них.

Но агент, ежесекундно макая перо в пузырек, писал протокол об оскорблении действием кассира при исполнении служебных обязанностей. И еще о том, что Фома находясь явно в нетрезвом виде, ел в закрытом помещении семячки и плевал на пол.

Фома поставил под протоколом крестик и, вздыхая и дергая головой, вышел из помещения.

Отвязал лошадь, сел в телегу, достал из шапки деньги и посмотрел на них. Потом махнул рукой и сказал:

— Врут черти...

И погнал лошадь к дому.

Мих. Зощенко

РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА

— Ишь, советская курица! Так прямо красные яйца и несет!

О ЧЕМ ПОЮТ КОЛОКОЛА

О чем поют колокола?
О рабстве и звериной жизни,
О том, что кабала была
В моей измученной отчизне.

Их медный ошалелый крик
Полощется в гнилом болоте,
А я, железный большевик —
Муштрую ленинские роты.

Растет железная волна,
Смывает вековую плесень.
В огне рожденная страна
Хмелеет от бунтарских песен.

Пасхальный звон, крылатый пляс
Толчется над могилой „бога“,
А ложь змеею извилась
На перекрестках и дорогах.

Но мы не верим в чудеса,
Для нас не существует бога.
В поповских выцветших глазах
Дрожит предсмертная тревога.

О чем поют колокола?
О рабстве и звериной жизни,
О том, что кабала была
В моей измученной отчизне.

Н. Тихомиров

НАВИГАЦИОННОЕ

— В ту навигацию, говорят, иностранцы просились на наши реки..

— Ну, и что-же?

— Отказали. Говорят, — мелко плаваете.

— Лед у нас, товарищ, все еще стоит.

— Это-же безобразие, товарищ! Такую волокиту развели! Лед и тот задерживается!

НОВАЯ БАВАРИЯ

(На глас осьмый)

Рис. В. Лебедева

„Приидите, пиво пием новое"!

КРАСНОЕ ЯИЧКО

(Пасхальный рассказ, по приложению)

Дорого яичко ко христову дню!

После заутрени, купец Вавило Сапогов расправил бороду, порожний живот погладил и сел с женою разговеться.

— Господи благослови!..

Выпил купец рюмку полынной, радостно крякнул и потянулся за красным яичком.

Чуть отколупнул скорлупу, — по комнате нехороший дух пошел... Тьфу!

— Неужто порченое?! — испугалась купчиха и нос в скорлупу ткнула, — Верно! Смердит...

Разбил купец еще яйцо, — пущая духовитость наружу поперла...

Стал купец разбивать яйцо за яйцом, — хоть бы на грех одно хорошее попалось!.. Шесть десятков безбраковочно перекокал...

Неторгующий ангел — и тот обидится...

Напоследок купец разбил пустую тарелку и говорит жене:

— Дура ты, говорит, анафемская!.. Где брала? Ровно на подбор!

— У нас, Вавило Семеныч... у нас в лавке брала...

Вавило Сапогов плюнул от огорчения.

— Вот дура! Ну и дура! Позарилась на отборные с ручательством.

Так и не покушал купец красного яичка.

Звенели колокола...

Ив. Пр.

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

РАДИО-АРИФМЕТИКА.

Даже школьник нулевой ступени знает, что

$2 \times 2 = 4$.

А „Трест слабого тока“ уверяет, что дважды два — пять! Этакая слабость!..

И вместо того, чтобы использовать достижения радио-техники С. С. С. Р.—

„превзошедшие во многом европейскую технику, в том числе и французскую (что подтверждают немецкие ученые Арко и Мейснер, ознакомившиеся с работами профессора Бонч-Бруевича на радиолаборатории имени Ленина) —

трестовики призывают „Варягов“.—

„Варяги“, — это французское общество генеральной компании беспроволочного телеграфа. Заключение договора с французской компанией — это радио-кабала для нашего С. С. С. Р.

И „Рабочая газета“, и „Правда“ (Л. Сосновский“) стараются доказать неосновательность заявления слабого треста, что будто

$2 \times 2 = 5$...

„Смехач“ присоединяет и свой голос:

— Долой ее превосходительство генеральную компанию! Держите в руках *своего журавля* и не зарьтесь на ощипанную заморскую синицу!

ВЫСШАЯ НАГРАДА

Как бывало награждение сановника орденом Св. Андрея Первозванного вызывало всеобщее изумление и умиление, так теперь вызывает радость следующее сообщение:

Инструктор пожарного депо Райнефтесиндиката в Царицыне сделал практический вызов 3-й смене. Смена прискакала на вызов, не опоздав ни на секунду.

Инструктор подарил ей тут же бутылку самогона.

Героизм, конечно, поощрять надо, но... не в такой маленькой дозе: на всю смену одна бутылка! Тьфу!

ОТЕЦ СЕКРЕТАРЬ

По сообщению „Красного Урала“, —

Во Владимирском поселке общим собранием секретарем совета избран местный священник.

Как будто бы даже по рекомендации предвика!

Ведь, вот как удобно теперь стало в поселке! Идет мужичок в сельсовет по делу:

— Отец секретарь нельзя-ли справочку получить насчет коровенки?

— Бог подаст, милый...

И коротко, и ясно, и сладкогласно!

ДЛЯ СВЕДЕНИЯ

Для сведения лиц, желающих на практике ознакомиться с кооперацией:

Идите все в кооператив Глушковской суконной фабрики!!

В понедельник до двенадцатого часа ждет очередь. Заперто Наконец, появляется председатель кооператива:

Во вторник легче Часок поторгуют, потом — обеденный перерыв.

Если хочешь чего купить, зайди часов в пять. Под вечер часок торгуют

Среда? Да, пожалуй, до воскресения разнообразия не будет.

Здесь вы воочию убедитесь в полезности так называемой „*кооперации при закрытых дверях*“.

ЖЕЛДОРРАЗВРАТ

Разные бывают картинки Вот, например:

Железнодорожная картинка. Близ Екатеринбурга на маленькую станцию Пермской ж. д подкатывает поезд. Народу в ваг нах— в три этажа, а в то же время к поезду прицеплено 5 отдельных спальных вагонов. Поинтересовались служащие станции, кем же заняты вагоны и оказалось: в одном вагоне едет начальник участка, другой занимает ревизор движения, третий — железнодорожный врач, четвертый просто служебный, а в пятом два артельщика.

Это еще что. Вот когда Николай II разъезжал, так у него в одном вагоне едет фуражка, в другом портсигар, в третьем носовой платок, а сам он ехал сзади, в другом поезде.

ВЕСНА В ПРОФСОЮЗАХ

Правление Одесского Союза Народного питания выработало план работы на апрель.

Пункт 7-й плана: „Установить связь с Правлением т-ва Нарпит на предмет *вывода из состояния оцепенения* вопроса об организации общественного питания“

Одесситы все делают своевременно. Лед тронулся, вышли из „оцепенения“ реки, а заодно с ними и общественное питание.

—

Протокол № 6 Президиума Правления Губсоюза Нарпит в Иваново-Вознесенске:

Слушали: О безработице.

Постановили: „Во избежание безработицы *цветущей* в н/союзе губотдел находит необходимым взять один пай т-ва „Нарпит“.

Приятные вести приятно и слушать. У нас еще снег, а в Иванове уже „цветет“ даже безработица, не говоря уж о прочей флоре. Благодарный край!

ОТКРОВЕННОСТЬ.

В провинции живут симпатичные откровенные люди. На бочки жалуются. Послушайте, что пишет „Красный Север“:

По улицам нашего города сплошь и рядом можно встретить совершенно открытые ассенизационные бочки.

Откровенность — вещь хорошая, но не в этом деле. Кажется, существует даже хорошее, но забытое правило — возить эти вещи ночью. Что бы его вспомнить!

Конечно, эти „вещи“ удобнее возить по ночам. А днем лучше всего подвести эти вещи к окнам, например, Откомхоза и совершенно откровенно поставить на все служебное время.

Любого скрытого человека такая откровенность проймет!

ТЕЛЕГРАММНОЕ НЕДЕРЖАНИЕ.

Пульмановские вагоны (вы слыхали, читатель, о таких?) нам нравятся: хорошие удобные вагоны!

А Пульманские телеграммы (о таких вы не слыхали!) нам не нравятся. (Разумеется, это совсем другой Пульман).

„Едва не каждую неделю уполномоченный дороги на ст. Таганрог. (по сообщению рабкора № 170) подает телеграммы.

„Сегодня выехал по делам службы на линию заместителем оставил т. Сенибратова“. „Возвратился и вступил, Пульман“. Телеграммы эти подаются с адресом всем начальствующим в пределах восточных участков дороги, т.-е. на 82 станции. Если протаксировать, то одна телеграмма обходится в 214 р. 62 к. А ведь, таких телеграмм не одна“!

Хорошо еще, что в пределах участков, на 82 станции. А что было бы, если-б на все станции мира:

„Всем-всем-всем. Возвратился и вступил, Пульман“. Никаких бы средств у ведомства не хватило!

РЯЗАНСКАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ

Из протокола № 1 президиума Рязанского Губправления союза коммунальников.

„Отказать в приеме в члены союза тов. П., Нине Александровне, за игнорирование авторитета членской союзной книжки и книжки соцстраха“.

„Отказать в приеме т. П., Григорию Филипповичу за отрицательное отношение к профсоюзу, как к рабочей организации, оторванность от союзной жизни и явное игнорирование рабочих манифестаций и демонстраций путем отсутствия в таковых“.

Попробуйте теперь сказать, что рязанцы не знают, что такое хороший профессиональный тон! Вот где действительно пекутся об „авторитете членской книжки“! А „игнорировать манифестацию, путем отсутствия“, это по вашему пустяки? Так на-те, выкусите!

В БОЧКЕ.

Некогда философ Диоген использовал бочку в качестве небольшой и общедоступной квартиры (с минимальной „полезной площадью“).

Оборотистые рабочие Мурманской жел. дороги нашли для бочки не менее удачное применение:

Захожу на квартиру к товарищу и вижу такую картину.

В костюме Адама сидит он в бочке с водой и отчаянно намывается.

— Да ты что это в бочку-то залез? спрашиваю его.

— Как, что! Разве не знаешь, что в нашей бане все стекла выбиты и ни одной бочки для воды нет?

Не один я, а все рабочие 4-го участка 8-го околодка Мурм. ж. д. дома моются: кто в бочках, кто в корытах.

(„Красн. Карелия“).

По этому поводу рабкор рекомендует:

„сунуть нашего П. И. 4 в бочку головой, — тогда наверно позаботился бы об устройстве для рабочих бани“.

Не легкая затея! Попробуйте-ка сперва определить, с какого конца у этого самого П. И. 4 голова!..

ВЕЧНЫЙ ИСТОЧНИК ДОХОДА.

„Красное Знамя“ (Краснодар) рассказывает об одном хитром волисполкоме:

ПРАВИЛЬНО!

(Ст. Отрадная).

При хорошей смекалке и араковары — на пользу.

Отобрали у араковаров посуду.

Волисполком продал эту посуду с торгов, а на вырученные деньги выписывает для изб-читален и квартскомов литературу.

Дальше — как по маслу: посуда, поди, куплена опять араковарами.

Араковары снова примутся за варку. Волисполком — снова отберет посуду и продаст с торгов.

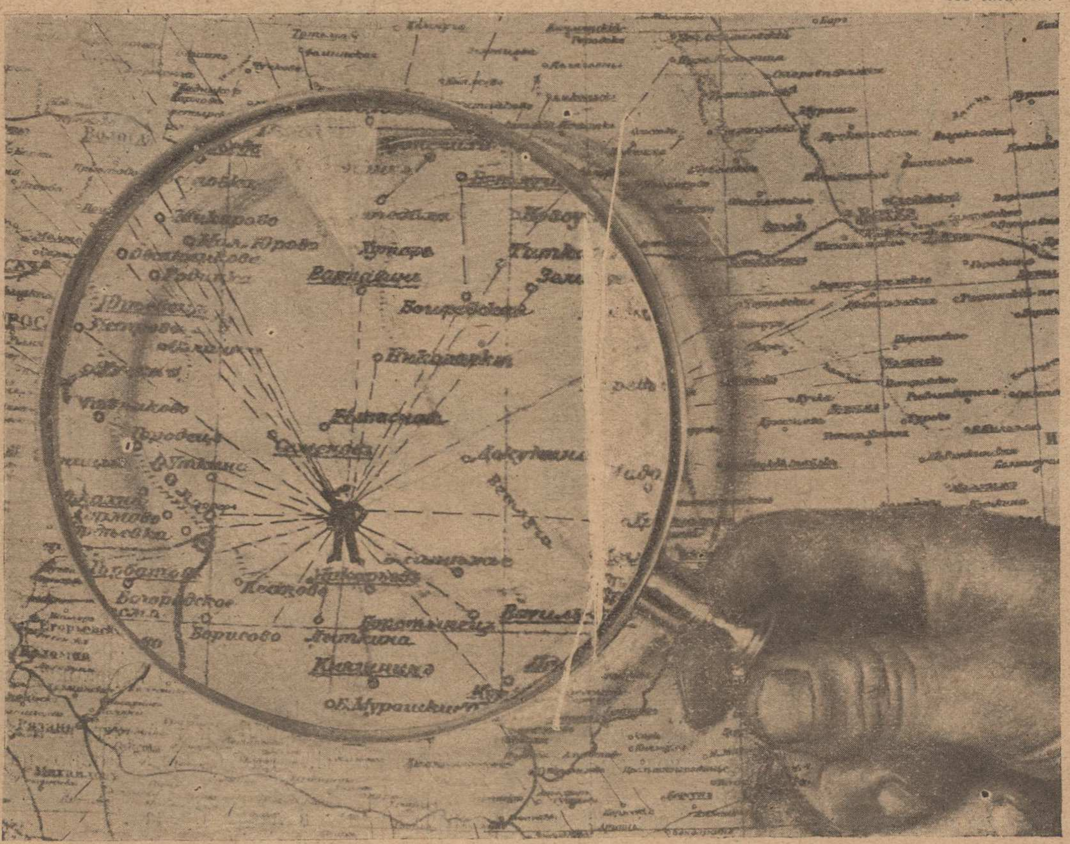
Посуду снова купят араковары. И так далее...

Сказка о неразменном рубле претворяется в жизнь!

ЖИВЫЕ ЦИФРЫ

Не три тысячи комунистов нужно командировать в деревню, а тридцать три тысячи...

Из статьи.

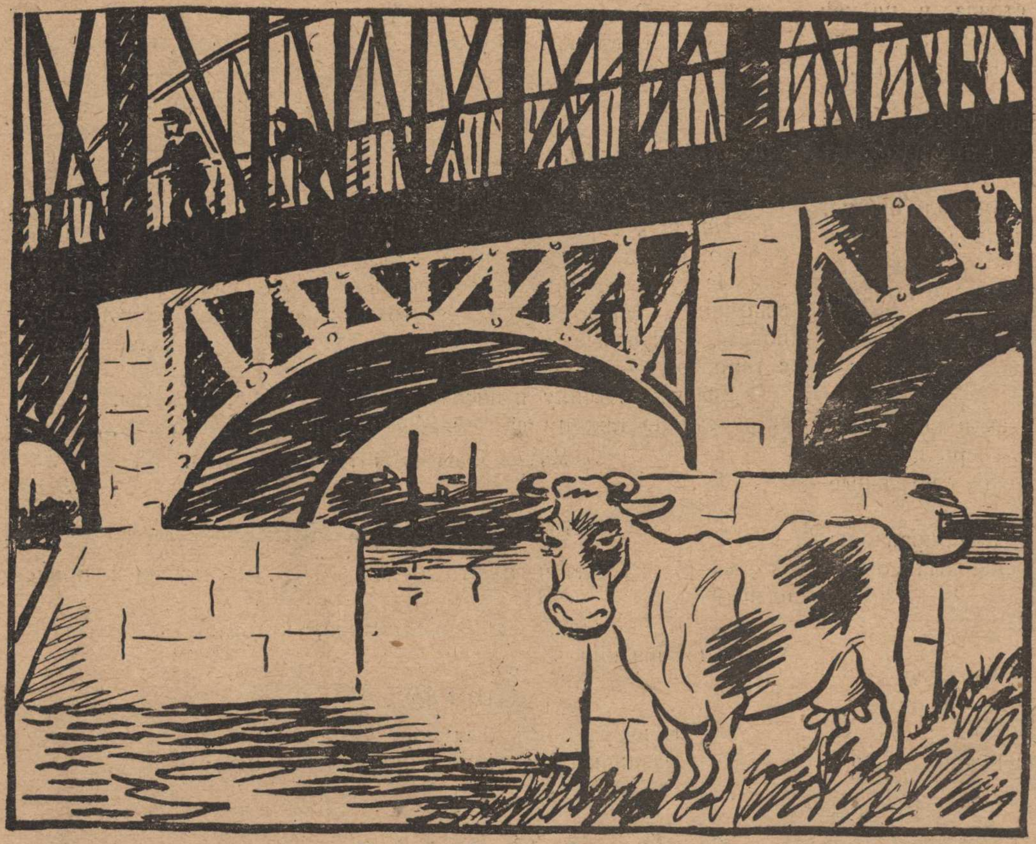

„Три тысячи коммунистов в деревню!“ По статистике „Смехача“ это выходит по $^{1}/_{42}$ коммуниста на селение. Недаром командированные пишут: „Нам приходится разрываться на части!“ Разорвешься тут!

ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ

Рис. Н. Радлова

Благодаря хищническому убою, в Сибири ощущается недостаток племенных быков.

Вдовствующая корова — Господи! Первые быки, которых я вижу за 6 месяцев.

КАК Я ПРИСОЕДИНИЛСЯ К РУМЫНИИ

Я—мамалыжник, то-есть бессарабский крестьянин, который ест мамалыгу. Мамалыга—это кукуруза, от которой люди мрут как мухи, а я—ничего.

В Бессарабии у нас никто не умирает своей смертью. Даже от мамалыги. У нас все это организовано. Румынские бояре — дай бог им царство небесное! — заботятся не только о нашей жизни. Что наша жизнь — пустяк, одно политическое недоразумение! Но наша смерть больше всего интересует наших благодетелей.

Мы больше ста лет жили под сапогом русского самодержавия. Сапог был, как сапог. Со шпорами. И нагайка по нему хлестала. Но больше всего по нашим спинам.

Потом пришла русская революция.

Сначала полетел к чорту царь. Мы радовались. Потом полетел туда же Керенский. Мы радовались еще больше. Потом нам сказали, что у нас будет Советская власть. Мы начали торжествовать. И торжествовали с неделю, пока не был подписан русско-румынский договор, в котором говорилось, что Бессарабия является по прежнему неотъемлемой частью Советской России.

А потом, не дав как следует доторжествовать, нас потащили в сигуранцу.

Сигуранца — это самое умственное учреждение во всей Румынии. Там даже стены — и те все забрызганы человеческими мозгами.

Пока меня туда вели, задали мне ряд дружеских вопросов:

— Какой губернии? (Раз!).

— Какого уезда? (Два!).

— Какой деревни? (Три!).

И так, пока вели до сигуранцы, вопросов шестьдесят задали. И я бы богу душу отдал, если бы она не понадобилась нашим благодетелям.

Вопросы продолжались с неделю.

— Румын ты или не румын?

— Русский.

— Молдаванин?

— Никак нет.

— За Россию или за Румынию?

— За Советскую власть.

Тут и пошло.

Сначала мне нежно обрубили пальцы. Потом что-то сделали с головой.

А сделали такое, что я сразу поверил, что я и румын, и молдаванин, и очень уважаю румынского короля и его сигуранцы, и что, вообще, я самый заядлый противник Советской власти—где бы она ни была.

А сделали они—наши благодетели—это самое дело так:

Когда они удостоверились, что мой мозг украшает стены ихней сигуранцы, ночью вывезли меня на берег Днестра. Прочитали мне популярную лекцию, что и берег, и сам Днестр есть неотъемлемая священная собственность Румынии; бросили меня в этот самый Днестр и разошлись с миром.

Теперь я лежу на дне прекрасного бурливого Днестра, благословляю своих благодетелей и рад от сознания того, что лежу не где-нибудь, а на священной румынской территории.

Вот как я присоединился к Румынии.

Георгий Устинов

РАЗГОВЕНЬЕ

Воскресенье! Значит— разговляйся.
Хошь—не хошь,— к Христову дню тащи
Масло, сыр, икру, колбасы, яйца,
Пасхи, „бабы“, куличи.

Фунтов тридцать окорок,—нельзя, ведь!—
Первым делом в Пасху ветчина.
Надо пива дюжину поставить
И полдюжины вина...

Будут гости: дьякон с дьяконицей!
(Не срамиться-ж нам перед людьми),
Пров Семеныч, тетка, кум с сестрицей.
Гости!.. Чорт их всех возьми!

Им то что! Навалятся нахально
На закуску, жадностью дыша,—
Через час от благости пасхальной
Не оставят ни шиша...

Сам напьешься,—заглушить бы злобу...
Целых семь червонцев! Вот так влез!
А на что?! набить бы лишь утробу...
Ох, воистину воскрес!..

А. Веснин

ПЕРВАЯ ЛАСТОЧКА

— Торгуем, значится, и мы с Америкой.

— Как так?

— А вот читайте: „В Америке заметно появление наших с.-х. ножниц“.

ТРУДНАЯ ЗАДАЧА

В фабричном клубе „Основа“ чествовали героиню труда тов. Гаврилову, прослужившую в Москве на фабрике (ныне „Освобожденный Труд“) 50 лет, и подарили ей чайную чашку.

Рис. А. Р.

— Если за пятьдесят лет — одна чашка, значит за шесть чашек прослужить надо 300 лет. Да за чайник — 100 класть надо. Эх! Так и не выслужу я чайного сервиза!

ДОКУМЕНТЫ К ИСТОРИИ ПАСХИ В РОССИИ.

1915 (Из пасхального рассказа).

..Колокола пели. Люди пели. Наташа стояла в церкви и пела. Вдруг у ее плеча раздался чей-то бодрый знакомый голос—„Христос Воскрес"! Она оглянулась и увидела Петю.

— Ты вернулся с фронта?.

— Да,—молодцевато ответил молодой бравый офицер,—вернулся, чтобы похристосоваться с тобой, а потом ехать на фронт бить германов и австрияков...

Колокола пели. А там, на полях сражений, громыхали пушки, трещали пулеметы, взрывались мины, мчались подводные лодки и скакали дредноуты с перископами.

В этом шуме слышалось миру: „Христос воскрес и победил германцев и австрийцев!" Колокола пели. Враг улепетывал.

1917 (Из рассказа).

...Иван Иванович шел мимо участка и под звон колоколов думал — вот тут раньше были городовые, а теперь их нет... И все в душе его засветилось торжеством. Ударили пасхальные колокола. Иван Иванович радостно воскликнул:

— Вся власть Учредительному Собранию!..—и, поправив на груди красный бантик, вошел благоговейно в освещенный собор.

1919 (Из объявления).

„Населению к празднику будет выдано: по карточке А — 5 фунтов белой муки; по карточке В — 3 фунта; по карточке Г — $^1/_2$ фунта.

Затем дополнительно по $^1/_{32}$ кофе и $^1/_{16}$ лаврового листа".

1923 (Из счета ресторана „Донон" г-ну Нарымскому).

4 бутылки „Сек"	2400 руб.
Мороженное	200 „
Разбитая посуда	1500 „
Сладкое и фрукты	1700 „
Итого	5800 руб.
10% обложения	580 „

1928 (Из письма).

— Уважаемый товарищ Петя!

На днях справляли весенний праздник. Наташа вспомнила про то, как в прошлом был такой обычай — встречать Паску или Пасху (не помню, как правильно тогда говорили). Решили вспомнить. Устроили Паску, кто как вспомнил. Купили елку, повесили красные яички, зажгли свечи, ели пасхального гуся с творогом — не понравилось.

Красили ветчину и писали на ней „Х. В.". Кажется, раньше встречали не так; ну да — как вспомнилось — чего там...

Уважающая тебя товарищ Зина.

Эсте

СОВЕТСКОЕ ПОЯСНЕНИЕ

— Мамка, для чего это буквы Х. В. на куличах прилеплены?

— Это, сынок, фамилия мастера, который их делал — Харитон Ваняткин.

„ОПРАВДАНИЕ"

— Ты вчера опять был мертвецки пьян?

— Праздник-то какой: воскресение из мертвых!

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ НЭП'А

„Ангел господень отвалил камень... Ангел-же сказал: его нет здесь, он воскрес..."
Матф, 28, 2—5

Рис. А. Радакова

— Вид у тебя такой, словно ты воскрес.
— Еще бы! Этакий камень отвалили! Каждый воскреснет!

ВЕСЕННЯЯ ВЫСТАВКА „СМЕХАЧА“

Рис. В. Козлинского

Саврасов. Грачи прилетели.

Флавицкий Княжна Тараканова.

Репин. **Какой простор!**

Брюллов. **Гибель Помпеи.**

ОПАСНЫЙ ЧЕЛОВЕК

(Пасхальный рассказ).

У тетки Арины гости: финотдельский сторож Утечкин с женой, беспатентная торговка Папироскина и управдом Обвалов. Пасхальный стол твердо стоял на своих четырех ножках и не думал ломиться под тяжестью пасхальной снеди. Плоский кулич гордо хранил в своих недрах полфунта подсолнечного масла и торжественно выпячивал буквы „X. В.", единственную разницу от простого ситного. Творожная пасха так густо облепилась плохо очищенным изюмом, что трудно было решить, изюм-ли в твороге, или творог в изюме. Между прочим, Утечкин клал пасху прямо в чай и уверял, что похоже на лимон. Жалкие кружки собачьей радости — чайной колбасы — изо всех сил старались покрыть пустоту плоской тарелки, а рядом стоял графин с мутной, желтоватой жидкостью, упорно напоминавшей своим запахом, что это не керосин, а дешевая самогонка. Яйца тетка Арина красила, по домашнему способу, в луковичной шелухе, отчего они казались вымазанными в свежем весеннем навозе.

Угощение шло во всю, и когда Дмитрий, теткин племянник, возвратился из клуба, лица гостей празднично лоснились. Дмитрий поздоровался со всеми и сел в угол к своему столику.

— Садись с нами, закуси, чего по углам прячешься.

— Я сыт, в клубе чай был после инсценировки.

Тетка Арина повернулась к гостям.

— Это у них насчет христова воскресения прохаживались в насмешку.

Папироскина догадливо мотнула головой.

— Против леригии, значит?

— Во, во... что-же, поди, никого и не было?

— Почему никого? Полный зал народу набрался, многим стоять пришлось, мест не хватило.

— Все такие, как ты, молокососы, зубоскалы?

— Напрасно так думаете. Семейных много было с женами, с детьми даже.

— До чего дожили! — покачала головой тетка Арина и сейчас-же успокоительно махнула рукой. — Врешь ты все!

Утечкина глубоко вздохнула высокой грудью.

— Известно, молодежь нынче неверущая. Пришел, пихнул всем руку и ладно, а чтобы с праздником поздравить, похристоваться по православному, этого нет.

Дмитрий улыбнулся.

— Вот будет у нас праздник первого мая, тогда, если желаете, могу похристоваться с вами.

Гости засмеялись.

— Тогда уж не христосоваться придется, а маяться.

— Ну, помаемся.

Утечкин взялся за пробку графина.

— Молодой человек, самогошки с нами? Аль не употребляете?

Тетка Арина замотала головой.

— Ни-ни, непьющий. Он у меня не как-нибудь, а рабкор, в газету пишет.

Гости переглянулись и странно замолкли. Утечкин испуганно поставил назад поднесенную ко рту рюмку, Папироскина беспокойно заерзала на стуле, а управдом покосился на графин.

— Арина Степановна, вы бы прибрали графинчик-то, дурман ведь это, нехорошо.

Утечкин сейчас же присоединился.

— В самом деле, приберите. Соблазнились по рюмочке и хватит, мы и так посидим.

Гости уныло молчали. Дмитрий заносил в записную книжку впечатления инсценировки. Утечкин покосился в угол.

— А что, молодой человек, ничего не слышно насчет запрещения Пасхи?

— Официального запрета праздновать нет. Власть терпит это зло до поры до времени.

— А если, скажем, человек состоит на службе в госучреждении и Пасху по всем правилам церкви празднует, как на такого человека власть смотрит?

Дмитрий усмехнулся.

— Считает его неразвитым, отсталым.

— Отсталый... Вредный алимент, значит?

— С одной стороны, пожалуй, и так. А вы все там-же служите?

— Там-же, там-же, как-же!..

Дмитрий продолжал писать. Управдом нервно барабанил по ножке пасхального стола и думал:

— Пишет, а кто его знает, что он пишет?

Утечкина встревоженно толкала мужа локтем и шипела:

— Пойдем, ишь строчит, про службу справился... Пропечатает тебя с самогоном, турнут с места. Обрадовался, дорвался до рюмки, алкоголик несчастный!

Утечкины решительно поднялись. За ними встала Папироскина и управдом. Тетка Арина забеспокоилась.

— Куды вы в такую рань, даже не посидели, как следовает. Я еще самоварчик поставлю...

— Нет уж, мы пойдем, много довольны. Вы лучше к нам приходите.

Пожимая Дмитрию руку, Утечкин почтительно нырял головой.

— Вы уж простите, молодой человек, жена тут христосованьем забеспокоила вас, баба темная, что она понимает...

Папироскина робко улыбалась во всю ширь репистого лица.

— Вам может что серьезное писать надо, а мы тут с пустяками шумим.

Последним прощался управдом.

— Виноват... Дмитрий Палыч, кажется? Насчет уборной ваша тетенька говорила, так после праздников сделается, обязательно сделается. Уж это уж...

Управдом твердо рубанул воздух рукой. В дверях управдом обернулся.

— Может заметили, доски гнилые у нас во дворе свалены, так это уберутся. Обязательно уберутся.

К. Мазовский

ТРЕЗВОН

Рис. А. Р.

Бом! Бом! Тилим-бом!
Веселится божий дом:
Попик выскочил,
Глазки выпучил...
—„Ой, никак — ой, никак
Настоящий четвертак!
Ты, Васютка звонарь,
Позвончей приударь!
Приударь звончее, Вася —
ПАСХА СВЕТЛАЯ НАМ ДНЕСЬ
ПОКАЗАСЯ!!"

Приналег звонарёк—
Пономарский сынок.
Тилим-тилим-тилим-бом!!
Ходит церква ходуном,—
Инда на-бок крест!
К кошке кот подлез...
„ХРИСТОС ВОСКРЕС!"
ВО-И-СТИ-НУ!

НА ЕГОРЬЕВ ДЕНЬ

(Коровья несознательность)

1-я корова.—Ну, матушка, и времена настали... Бывало, на Егорьев-то день всех нас в церковь водили, — поп святой водицей кропил!..

2-я корова. — И не говори лучше. Послушала-бы ты, что наш пастух Митька на своей дудке наяривает: „Интернационал".

НА ПРАЗДНИКАХ

— Много ты визитов сделал на праздниках?

— Пять... и все в милицию... да после праздников пять придется в Нарсуд.

———

Что это яйца так вздорожали?

— Как же сударыня. Дорого яичко к красному дню.

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

„КРОКОДИЛ“

(почетный таракан)

„Крокодил“ поместил каррикатуру на Пуанкаре, изобразив его в роли Буриданова осла. Над рисунком эпиграф:

> „Пуанкаре играет роль Буриданова осла, который никак не может сделать выбор между *сеном* старых долгов и *овсом* новых барышей. (Из статьи тов. Радека)“.

А внизу — подпись в стишках:

> „Пред *просом* и *овсом*
> Осел стоит ослом... и т. д.

Овес благополучно остался овсом, а сено превратилось в просо. Почему-ж это, коллега? Может, вы думаете, что Буриданов осел кушает только овсянку и просовую кашу, а сена не обожает?

ТАЙНЫ КРОВООБРАЩЕНИЯ

Нам прислали копию стенного объявления, вывешенного на главной лестнице Ленинградской „Красной Газеты“.

> „Во Вторник, 8 апреля в 5 ч. веч. в клубе имени тов. Ленина будет прочитана лекция:
> Тайны кровообращения с опытами над лягушками и микроскопом.
> Вход свободный“.

Какие такие — „опыты над лягушками и *микроскопом*“?!

Неужто и микроскоп, словно лягушку, резали на части?

А, ведь, это не тайна, что микроскоп совсем не животное, а напротив — инструмент.

„ЧУДО ТЕХНИКИ“

Самарская газета „Коммуна“, в отделе „Наука и Техника“, рассказывает нечто изумительное:

> „Профессору Богоразу (Ростов-на-Дону) был доставлен мальчик которому его товарищ отрубил топором три пальца правой руки.
> Пальцы были отрублены у основания и висели на небольшом лоскутке кожи. Но мать категорически отказалась от полной ампутации: **мальчик продолжал играть на рояли.**
> Исполняя желание матери, профессор приступил к операции“... и т. д.

Итак, — продолжал играть на рояли отрубленными у основания пальцами.

Несомненно, перед читателем — чудо техники!

„ФИЗИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ“

Программа показательного кино-факультета в Харькове (из Харьковской газеты „Коммунист“):

„... 3-ий семестр. Техническая проработка с реальными предметами:

> a) *физические признаки сближения,* пожатие рук, объятия *и т. д.*
> b) техническая проработка под музыку.
> c) *идеологическая гимнастика* на *психологических основах*“.

„Смехач“, не считая нужным обсуждать вопрос о необходимости изучения в кино-факультете физических признаков, хочет только знать, есть ли при факультете акушерка, и каково влияние означенного факультета на процент рождаемости в Харькове?

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК „СМЕХАЧА“.

***Москва.** — Акимовичу, А. С.* Вы прислали всерьёз *решение* „Головоломки“ (заметка из отдела „Тараканы в тесте“, № 4 „Смехача“, насчет „Рабочей Газеты“) и просите „сообщить результаты“. Большой вы чудак, Акимович! А, впрочем, спешим вас порадовать: результат блестящий — вы добрались до опыта, не повредив головы. Очень крепкая у вас голова, Акимович... Сообщите, — из какого металла?

***Краснодар.** — Библиотеке Госшколы № 2.* Радуемся, что ваши читатели *с захватом* читают такие журналы, как „Смехач“, и всё-же высылать журнал бесплатно не можем. Бесплатно шлем вам хороший, легковыполнимый совет: подпишитись на журнал.

***Иваново-Вознесенск.** — С. Погор-скому.* Рассказу предпослан эпиграф: „многие страшно *обидется* и скажут, что это он про меня написал (*по Гоголю*)“.

Больше всех обиделся-бы Гоголь, но он (этакий хитрец!) поспел во-время помереть, — прежде чем вы начали писать.

***Шадринск** Нач-ку почтово-тел. конторы.* Пробный номер вышлем. Условия подписки найдете в номере.

***Опочка** (Псковской губ.),* Н. Китаеву.

„Рыдал Вильгельм, сидя в Берлине,
Когда с престола был убран:
„Эх! до чего дошел я ныне
Своим не верю я глазам“,

Или:

„Еще при сотвореньи мира
Бог начертал для них удел
И чрез архангела Гаврилу
Сказал, чтоб, хлеб до поту ел“.

Ей-богу, бог этого не говорил — насчет, „хлеба до поту“!. А ежели такие стишки Вильгельм увидит, — смеяться начнет. Пусть уже лучше продолжает рыдать. Не печатаем стишков...

***Дер. Лопасня.** (Подольск. уезда), Борису Благодарному.* Если найдутся ненормальные люди, которые станут пить керосин, это еще не основание, чтобы отказаться от проекта снабжения деревни керосином для освещения. Сообщайте факты из быта деревни. Вот вам и вся наша „резолюция“, которой вы просите.

Ст. Спирово. Рабкору № 448. Руководитель политкружка при Спировском клубе секретарь Секретарев „не пользовался особым успехом“ и, тем не менее просит вас „описать все положительные стороны его работы“.

Согласны с Вами, что это трудная задача: хвалить секретаря только за то, что у него секретарская фамилия...

ВЗГЛЯД В КОРЕНЬ

Рис. А. Р.

В Монголии, при раскопках найдено яйцо динозавра.

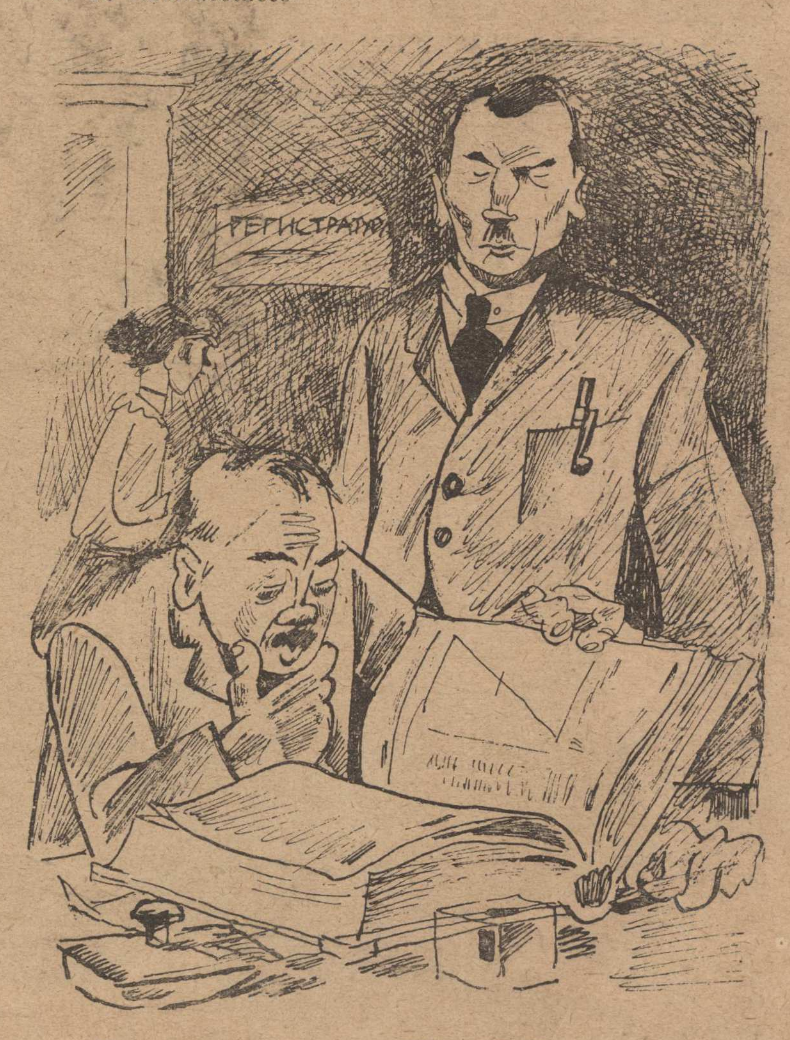

— О-о!..

— При эдаком яйце, какой же в те времена был пасхальный стол!!..

ВРЕДНЫЕ ЛЮДИ

Рис. Б. Антоновского

— Куда записать расход в 956 руб. $43\frac{1}{3}$ коп. золотом, по ремонту кабинета помзавглавтеха?

— Гм.. Запишите: „на вредность“.

Издатель: „ГУДОК“ Ответственный редактор А. С. Андрейчик

Ленинградский гублит № 5584. Типо-Литография „Красный Печатник“ Ленинград, Международный, 75. Тираж 40.000 экз.

В СВЯТУЮ НОЧЬ

Рис. В. Козлинского

— Вы небось, батюшка, за меньшее три рубли берете!..
— Не кощунствуй! Я за требу беру, а ты за непотребство просишь.